PG 3420
.P5
1847

i. Turgenev.

Turgenev, Ivan Sergeevich
Pietushkov
LD dec. 17-13

I.

ПѢТУШКОВЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ 182... году, въ городкѣ О... проживалъ Иванъ Аѳанасьичъ Пѣтушковъ. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей, пяти лѣтъ остался круглымъ сиротой и попалъ на руки къ опекуну. Имущества у него, по милости опекуна, не оказалось никакого; онъ перебивался пополамъ съ грѣхомъ. Росту былъ онъ средняго, нѣсколько сутуловатъ; лицо имѣлъ худое и покрытое веснушками, впрочемъ довольно пріятное, волосы темно-русые, глаза сѣрые, взглядъ робкій; частыя морщины покрывали его низкій лобъ. Вся жизнь Пѣтушкова прошла чрезвычайно однообразно; подъ-сорокъ лѣтъ онъ былъ еще молодъ и неопытенъ какъ ребенокъ. Знакомыхъ онъ дичился, а съ тѣми, на участь которыхъ могъ имѣть вліяніе, обходился весьма кротко....

За людьми, осужденными судьбою на жизнь однообразную и невеселую, часто водятся разныя привычки и потребности. Пѣтушковъ по утрамъ за чаемъ любилъ кушать свѣжую, бѣлую булку. Безъ этого лакомства онъ жить не могъ. Вотъ, въ одно

PG3420
P5
1847

утро, слуга его Онисимъ подалъ ему на тарелкѣ съ синими цвѣточками, вмѣсто булки, три темно-рыжихъ сухаря. Пѣтушковъ тотчасъ же съ нѣкоторымъ негодованьемъ спросилъ слугу своего, что́ бы это такое значило?

— Булки всѣ поразобравшись, отвѣтилъ ему Онисимъ, природный петербургецъ, странной игрою случа занесенный въ самую глушь южной Россіи.

— Быть не можетъ! воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ.

— Поразобравшись, повторилъ Онисимъ: — сегодня у предводителя завтракъ, такъ оно все туда, знаете, пошло.

Онисимъ провелъ рукой по воздуху и выставилъ правую ногу впередъ.

Иванъ Аѳанасьичъ прошелся по комнатѣ, одѣлся и самъ отправился въ булочную. Это единственное въ городѣ О... заведеніе было учреждено лѣтъ десять тому назадъ заѣзжимъ нѣмцемъ, въ скоромъ времени процвѣло и теперь еще процвѣтало подъ начальствомъ его вдовы, толстой бабы.

Пѣтушковъ постучался у окошка. Толстая баба выставила въ форточку свое болѣзненно-пухлое и заспанное лицо.

— Булку пожалуйте, съ пріятностью сказалъ Пѣтушковъ.

— Вышли булки, пропищала толстая баба.

— У васъ нѣтъ булокъ?

— Нѣтути.

— Какъ же это? помилуйте. Я у васъ каждый день беру булку и плачу аккуратно.

Баба молча посмотрѣла на него.

— Возьмите крендель, сказала она наконецъ зѣвая: — или паплюху.

— Не хочу, сказалъ Пѣтушковъ и даже обидѣлся.

— Какъ угодно, про́бормотала баба и захлопнула форточку.

Ивана Аѳанасьича разобрала сильная досада. Въ недоумѣньи отошелъ онъ на другую сторону улицы и предался весь какъ дитя своему неудовольствію.

— Господинъ!... раздался довольно пріятный женскій голосъ: — господинъ!

Иванъ Аѳанасьичъ поднялъ глаза. Изъ форточки булочной выглядывала дѣвушка лѣтъ семнадцати и держала въ рукѣ булку. Лицо она имѣло полное, круглое, щоки румяныя, глаза каріе, небольшіе, носъ нѣсколько вздернутый, волосы русые и

жидкіе и великолѣпныя плечи. Ея черты выражали доброту, лѣнь и безпечность.

— Вотъ вамъ, сударь, булка, сказала она посмѣиваясь: — я было взяла ее себѣ, да ужь извольте, уступлю вамъ.

— Покорнѣйше благодарю. Позвольте-съ....

Пѣтушковъ началъ шарить у себя въ карманѣ.

— Не надо, не надо-съ. Кушайте себѣ на здоровье.

Она затворила форточку.

Пѣтушковъ пришелъ домой въ совершенно пріятномъ расположеніи духа.

— Вотъ ты не досталъ булки, сказалъ онъ своему Онисиму: — а я, вотъ, досталъ, видишь?...

Онисимъ горько усмѣхнулся.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Иванъ Аѳанасьичъ, раздѣваясь, спросилъ слугу своего:

— Скажи мнѣ, братецъ, пожалуйста, что́ тамъ у булочницы за дѣвка, а?

Онисимъ посмотрѣлъ въ сторону довольно мрачно и возразилъ: — а на что вамъ?

— Такъ, сказалъ Пѣтушковъ, собственноручно снимая сапоги.

— А вѣдь хороша! снисходительно замѣтилъ Онисимъ.

— Да.... недурна.... промолвилъ Иванъ Аѳанасьичъ, глядя тоже въ сторону. — А какъ ее зовутъ, знаешь?

— Василисой.

— И ты ее знаешь?

Онисимъ помолчалъ нѣсколько. — Знаемъ-съ.

Пѣтушковъ разинулъ-было ротъ, но повернулся на другой бокъ и заснулъ. Онисимъ вышелъ въ переднюю, понюхалъ табаку и покрутилъ головой.

На другой день рано поутру Пѣтушковъ велѣлъ подать себѣ одѣться. Онисимъ принесъ ежедневный сюртукъ Ивана Аѳанасьича, сюртукъ старый, травяного цвѣта, съ огромными полинявшими пуговицами. Пѣтушковъ долго, молча, поглядѣлъ на Онисима, потомъ приказалъ ему достать новый сюртукъ. Онисимъ не безъ удивленья повиновался. Пѣтушковъ одѣлся, тщательно натянулъ на руки замшевыя перчатки.

— Ты, братецъ, проговорилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — не ходи сегодня въ булочную. Я самъ зайду.... мнѣ по дорогѣ.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Онисимъ такъ отрывисто, какъ будто кто-то толкнулъ его сзади.

Пѣтушковъ отправился, дошелъ до булочной, постучался въ окошко. Толстая баба отворила форточку.

— Пожалуйте булку, медленно проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ.

Толстая баба выставила руку, обнаженную до самого плеча, и сунула ему горячій хлѣбъ прямо подъ носъ.

Иванъ Аѳанасьичъ постоялъ нѣкоторое время подъ окошкомъ, прошелъ по улицѣ раза два, какъ-то болѣзненно заглянулъ на дворъ и наконецъ, устыдясь своего ребячества, вернулся домой съ булкой въ рукѣ. Цѣлый день ему было неловко, и даже вечеромъ онъ, противъ обыкновенія, не пустился въ разговоръ съ Онисимомъ.

На другое утро уже Онисимъ отправился за булкой.

II.

Прошло нѣсколько недѣлъ. Иванъ Аѳанасьичъ совершенно позабылъ о Василисѣ и по прежнему дружелюбно бесѣдовалъ съ своимъ слугою. Въ одно прекрасное утро зашелъ къ нему господинъ Бублицынъ, развязный и очень любезный молодой человѣкъ. Правда, онъ иногда самъ не зналъ, что́ такое говорилъ, и весь былъ, какъ говорится, на-бекрень, но все-таки слылъ за весьма пріятнаго собесѣдника. Онъ курилъ много, съ лихорадочной жадностью, поднимая брови, втягивая грудь, — курилъ съ озабоченнымъ видомъ, или, лучше сказать, съ такимъ видомъ, что вотъ дайте ему только въ послѣдній разъ затянуться, онъ вамъ тотчасъ и скажетъ неожиданную новость; даже иногда мычалъ и махалъ рукой, торопливо досасывая трубку, какъ-будто внезапно вспомнилъ что-то необыкновенно-забавное или важное, раскрывалъ ротъ, кольцеобразно выпускалъ дымъ и произносилъ слова самыя обыкновенныя, а иногда даже во-

все безмолвствовалъ. Поболтавши немного съ Иваномъ Аѳанасьичемъ объ ученыхъ, сосѣдяхъ, лошадяхъ, помѣщичьихъ дочкахъ и прочихъ поучительныхъ предметахъ, г-нъ Бублицынъ вдругъ заморгалъ глазами, взбилъ себѣ хохолъ и съ лукавой улыбочкой подошелъ къ необыкновенно-тусклому зеркалу, единственному украшенію комнаты Ивана Аѳанасьича.

— А вѣдь надо правду сказать, промолвилъ онъ, поглаживая свои бурые бакенбарты: — у насъ здѣсь есть мѣщаночки такія, что куда твоя Венера мендицейнская.... Напримѣръ, видали вы Василису булочницу?... Г-нъ Бублицынъ неистово затянулся.

Пѣтушковъ вздрогнулъ.

— Впрочемъ, продолжалъ Бублицынъ, исчезая въ облакѣ дыма: — что́ я у васъ спрашиваю! вѣдь вы такой человѣкъ, Иванъ Аѳанасьичъ... Богъ знаетъ чѣмъ вы занимаетесь, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Тѣмъ же чѣмъ и вы, не безъ досады и на-распѣвъ проговорилъ Пѣтушковъ.

— Ну, нѣтъ, Иванъ Аѳанасьичъ, нѣтъ.... Что̀ вы это?

— Однако?

— Ну да ужь что̀, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Однако? однако?

Бублицынъ поставилъ трубку въ уголъ и началъ разсматривать свои не совсѣмъ красивые сапоги. Пѣтушковъ почувствовалъ смущеніе.

— Такъ-то, Иванъ Аѳанасьичъ, такъ-то, продолжалъ Бублицынъ, какъ бы щадя его. — А про Василису булочницу вамъ доложу: очень, о-чень хорошо.... о-чень.

Г-нъ Бублицынъ расширилъ ноздри и медленно погрузилъ руки въ карманы.

Странное дѣло! Иванъ Аѳанасьичъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ ревности. Онъ началъ двигаться на стулѣ, некстати расхохотался, покраснѣлъ вдругъ, зѣвнулъ и зѣвая скривилъ немного нижнюю челюсть. Бублицынъ выкурилъ еще три трубки и удалился. Иванъ Аѳанасьичъ подошелъ къ окну, вздохнулъ и велѣлъ подать себѣ напиться.

Онисимъ поставилъ стаканъ квасу на столъ, угрюмо взглянулъ на барина, прислонился къ двери и потупилъ голову.

— Что ты такъ задумался? спросилъ его баринъ ласково и не безъ страха.

— Что задумался? возразилъ Онисимъ: — что задумался... Я о васъ думаю.

— Обо мнѣ?

— Разумѣется о васъ.

— А что́жь ты такое думаешь?

— А я вотъ что́ думаю. (Тутъ Онисимъ понюхалъ табаку). Стыдно вамъ, судырь, стыдно.

— Что́ такое стыдно?

— Что̀ такое стыдно.... Да вы посмотрите на г-на Бублицына, Иванъ Аѳанасьичъ.... Чѣмъ не молодецъ? помилуйте.

— Я тебя, братецъ, не понимаю.

— Не понимаете.... Нѣтъ, вы меня понимаете.

Онисимъ помолчалъ.

— Г-нъ Бублицынъ — господинъ настоящій, какъ слѣдуетъ быть господинъ. А вы-то что́, Иванъ Аѳанасьичъ, вы-то что́? помилуйте.

— Ну, и я господинъ.

— Господинъ, господинъ.... возразилъ Онисимъ, приходя въ азартъ. — Какой вы господинъ? Вы, судырь, просто мокрая курица, Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте. Сидите себѣ сиднемъ цѣлый Божій день.... много этакъ высидите. Въ карты вы не играете, съ господами не водитесь, а что ужь на счетъ того....

Онисимъ махнулъ рукой.

— Ну однакожь.... ты ужь, кажется, слишкомъ.... проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ, съ замѣшательствомъ хватаясь за чубукъ.

— Какое слишкомъ, Иванъ Аѳанасьичъ, какое слишкомъ. Вы сами посудите. Вѣдь вотъ опять насчетъ Василисы.... Ну, почему бы вамъ....

— Да ты что̀ думаешь, Онисимъ, тоскливо перебилъ его Пѣтушковъ.

— Я знаю, что̀ я думаю. Что́жь? и съ Богомъ! Да гдѣ вамъ? Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, судите сами.... Вѣдь вы....

Иванъ Аѳанасьичъ всталъ.

— Ну ну, пожалуйста, тамъ ужь ты молчи, сказалъ онъ проворно и какъ бы ища глазами Онисима. — Я вѣдь тоже,

знаешь.... я.... что́ ужь ты въ самомъ дѣлѣ?... Дай-ка мнѣ лучше одѣться.

Онисимъ медленно стащилъ съ Ивана Аѳанасьича замасленный татарскій шлафрокъ, съ отеческой грустью поглядѣлъ на барина, покачалъ головой, напялилъ на него сюртукъ и принялся бить его по спинѣ вѣникомъ.

Пѣтушковъ вышелъ и, послѣ непродолжительнаго странствованія по кривымъ улицамъ города, очутился передъ булочной. Странная улыбочка играла на его губахъ.

Не успѣлъ онъ взглянуть раза два на слишкомъ ему извѣстное «заведеніе», какъ вдругъ калитка отворилась и выбѣжала Василиса, съ жолтымъ платочкомъ на головѣ и въ душегрѣйкѣ, накинутой, по русскому обычаю, на плечи. Иванъ Аѳанасьичъ тотчасъ же нагналъ ее:

— Куда изволите итти, голубушка?

Василиса быстро взглянула на него, засмѣялась, отвернулась и закрыла себѣ губы рукой.

— Чай, за покупочкой? спросилъ Иванъ Аѳанасьичъ съ сладостной улыбкой.

— Какіе любопытные, возразила Василиса.

— Отчего же любопытный? сказалъ Пѣтушковъ, торопливо размахивая руками. — Я совсѣмъ, напротивъ.... Такъ, знаете ли. прибавилъ онъ поспѣшно, какъ-будто эти три слова совершенно объясняли его мысль.

— А булочку мою скушали?

— Непремѣнно-съ, возразилъ Пѣтушковъ: — съ особеннымъ удовольствіемъ.

Василиса продолжала итти да посмѣиваться.

— Пріятная сегодня погода, продолжалъ Иванъ Аѳанасьичъ: — вы изволите часто гулять?

— Гуляемъ-съ.

— Ахъ, какъ бы того съ вами....

— Чего-съ?

Дѣвушки выговариваютъ слово «чего-съ» очень странно, какъ-то особенно рѣзко и быстро.... Куропатки такъ кричатъ по зарямъ.

— Гулять-съ, знаете ли, съ вами.... за городомъ, что́ ли....

— Какъ можно!

— Отчего же не можно?

— Ахъ, какой вы, право!

— Но позвольте....

Тутъ поравнялся съ ними купчикъ-попрыгунчикъ съ козлиной бородкой и пальцами, растопыренными въ видѣ рогульки, въ долгополомъ синеватомъ кафтанѣ и тепломъ картузѣ, похожемъ на распухшій арбузъ. Пѣтушковъ, ради приличія, отсталъ немного отъ Василисы, но тотчасъ же нагналъ ее снова.

— Такъ какъ же того-съ?

Василиса лукаво посмотрѣла на него и опять засмѣялась.

— Вы здѣшній?

— Здѣшній-съ.

Василиса провела рукой по волосамъ и пошла потише. Иванъ Аѳанасьичъ улыбнулся и, внутренно замирая отъ робости, нагнулся немного на бокъ и трепетной рукой обвилъ станъ красавицы.

Василиса вскрикнула.

— Полноте, безстыдники, на улицы.

— Ну, ну, ну, чего, чего, забормоталъ Иванъ Аѳанасьичъ. Онъ страшно смѣшался.

— Полноте, говорятъ вамъ, на улицы.... Не обиждайте.

— А...а...ахъ, какіе же вы, проговорилъ Пѣтушковъ съ укоризной и самъ покраснѣлъ до ушей.

Василиса остановилась.

— Ступайте себѣ, господинъ, ступайте....

Пѣтушковъ повиновался. Онъ пришелъ домой, цѣлый часъ сидѣлъ неподвижно на стулѣ и даже трубки не курилъ. Наконецъ онъ досталъ листокъ сѣроватой бумаги, очинилъ перо и послѣ долгихъ соображеній написалъ слѣдующее письмо:

«Милостивая государыня, Василиса Тимофѣевна!

«Будучи отъ природы человѣкъ необидчивый, какъ же бы «могъ я вамъ причинить непріятность. Если же я и дѣйстви«тельно передъ вами виноватъ, то именно скажу вамъ: намеки «г-на Бублицына меня къ тому способствовали, чего я никакъ «не ожидалъ. А впрочемъ покорнѣйше прошу васъ на меня не «гнѣваться. Я человѣкъ чювствительный, и всякую ласку весь«ма чювствую и благодаренъ. Не гнѣвайтесь на меня, Василиса

«Тимофѣевна, прошу васъ покорнѣйше. Впрочемъ съ моимъ «почтеніемъ пребываю

«Вашъ покорнѣйшій слуга

«Иванъ Пѣтушковъ».

Онисимъ отнесъ это письмо по адресу.

III.

Прошло двѣ недѣли.... Онисимъ каждое утро, по обыкновенію, ходилъ въ булочную. Вотъ однажды Василиса выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ.

Онисимъ принялъ мрачный видъ и сердито проговорилъ: — здорово.

— Чтóжь это вы никогда къ намъ не зайдете, Онисимъ Сергѣичъ.

Онисимъ угрюмо взглянулъ на нее.

— Чтó я зайду? чаемъ, небось, не напоишь.

— Напою, Онисимъ Сергѣичъ, напою. Вы только приходите. И съ ромомъ.

Онисимъ медлительно улыбнулся.

— Чтóжь, пожалуй, коли такъ....

— Когда же, батюшка, когда?

— Когда.... Эхъ ты....

— Сегодня, вечеркомъ, угодно? заверните.

— Пожалуй, заверну, возразилъ Онисимъ и поплелся домой лѣнивымъ и развалистымъ шагомъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ маленькой комнаткѣ, подлѣ постели, покрытой полосатымъ душнымъ пуховикомъ, за неуклюжимъ, рыжеватымъ столикомъ сидѣлъ Онисимъ, напротивъ Василисы. Тускло-жолтый огромный самоваръ шипѣлъ и сипѣлъ на столѣ; горшокъ ерани торчалъ передъ окошкомъ; въ другомъ углу, подлѣ двери, бокомъ стоялъ безобразный сундукъ съ крошечнымъ висячимъ замкомъ; на сундукѣ лежала рыхлая груда разнаго стараго тряпья; на стѣнахъ чернѣли замасленныя

картинки. Онисимъ и Василиса кушали чай молча, глядя въ лицо другъ другу, долго вертѣли въ рукахъ кусочки сахару, какъ бы нехотя прикусывали, жмурились, щурились и съ свистомъ втягивали сквозь зубы желтоватую горячую водицу. Наконецъ они опорожнили весь самоваръ, опрокинули кверху дномъ круглыя чашечки съ надписями, на одной: «за удоблѣтворѣніе», а на другой: «взнакъ любве», крякнули, отерли потъ и начали помаленьку разговаривать.

— Что́, Онисимъ Сергѣичъ, вашъ баринъ.... спросила Василиса и не договорила.

— Что̀ баринъ.... возразилъ Онисимъ и подперся рукой. — Извѣстно что́. А вамъ на что̀?

— Такъ-съ, отвѣчала Василиса.

— А вѣдь онъ (тутъ Онисимъ осклабился): — вѣдь онъ вамъ, кажись, письмо написалъ?

— Писали-съ.

Онисимъ покачалъ головой съ необыкновенно-самодовольнымъ видомъ.

— Вишь, вишь, проговорилъ онъ хрипло и не безъ улыбки: — ну, а что̀ такое онъ писалъ вамъ?

— А разное написалъ. Что, дескать, я, сударыня Василиса Тимофѣевна, не того; что я, дескать, такъ; что вы не подумайте; что вы, сударыня, не обиждайтесь; и много такого еще написалъ.... А что̀, прибавила она, помолчавъ немного: — онъ у васъ каковъ?

— Живетъ, равнодушно отвѣчалъ Онисимъ.

— Серчаетъ?

— Куда ему! Нѣтъ, не серчаетъ. А что́, онъ вамъ нравится?

Василиса потупилась и засмѣялась въ рукавъ.

— Ну, да ну же, проворчалъ Онисимъ.

— Какіе вы, право!

— Ну....

— Да на что́ вамъ, Онисимъ Сергѣичъ.

— Да ну же, говорятъ.

— Что́жь, проговорила наконецъ Василиса: — они.... баринъ. Разумѣется.... я не того; да и они ужь... вы сами знаете.

— Какъ не знать? важно замѣтилъ Онисимъ.

— Вамъ вѣдь наконецъ извѣстно, Онисимъ Сергѣичъ.... а впрочемъ какъ знаете.

— Вѣстимо извѣстно.

Василиса видимо приходила въ волненіе.

— Вы такъ и скажите, ему-то, вашему-то барину, что я, дескать, на него не сержусь, а что вотъ, молъ....

Она заикнулась.

— Понимаемъ-съ, возразилъ Онисимъ и медленно поднялся со стула. — Понимаемъ-съ. Спасибо за угощенье.

— Впередъ милости просимъ.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онисимъ приблизился къ двери. Толстая баба вошла въ комнату.

— Здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ, сказала она нараспѣвъ.

— Здравствуйте, Прасковья Ивановна, отвѣчалъ онъ также нараспѣвъ.

Оба постояли немного другъ передъ другомъ.

— Ну, прощайте, Прасковья Ивановна, проговорилъ Онисимъ нараспѣвъ.

— Ну, прощайте, Онисимъ Сергѣичъ, отвѣчала она также нараспѣвъ.

Онисимъ пришелъ домой. Баринъ его лежалъ на постели и глядѣлъ въ потолокъ.

— Гдѣ ты былъ?

— Гдѣ былъ?... (За Онисимомъ водилась привычка съ укоризной повторять послѣднія слова всякаго вопроса). — По вашему же дѣлу ходилъ.

— По какому дѣлу?

— А вы не знаете?... Къ Василисѣ ходилъ.

Пѣтушковъ замигалъ глазами и завертѣлся на постели.

— То-то вотъ и есть, замѣтилъ Онисимъ и хладнокровно понюхалъ табаку: — то-то вотъ и есть. Вы всегда такъ. Василиса вамъ кланяется.

— Неужто?

— Неужто? То-то же вотъ и есть. Неужто!... Велѣла сказать, что, дескать, отчего его не видать? отчего, дескать, не ходитъ?

— Ну, а ты что?

— Что́ я? Я ей сказалъ: глупа же ты, я ей сказалъ, — станутъ къ тебѣ такіе люди ходить! Нѣтъ, ты приди сама, я ей сказалъ.

— Ну, а она что̀?

— Она что́?... Она.... ничего.

— То есть, однако какъ же ничего?

— Извѣстно ничего.

Пѣтушковъ помолчалъ немного.

— Ну, и придетъ?

Онисимъ покачалъ головой.

— Придетъ!... Больно, сударь, прытки. Придетъ!... Нѣтъ, это ужь вы того.

— Да вѣдь ты самъ говорилъ, что того....

— Мало ли чего!

Пѣтушковъ замолчалъ опять.

— Такъ какъ же однакожь, братецъ?

— Какъ же?... Вамъ лучше знать: вы баринъ.

— Ну нѣтъ, что́ ужь тутъ....

Онисимъ самодовольно покачался взадъ и впередъ.

— Вы Прасковью Ивановну знаете? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ. Какую Прасковью Ивановну?

— А булочницу?

— А да, булочницу! Видалъ; толстая такая.

— Важная женщина. Она той-то, вашей-то, родная тетка.

— Тетка?

— А вы не знали?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Эхъ....

Онисимъ изъ уваженія къ барину не досказалъ своей мысли.

— Вотъ бы вамъ съ кѣмъ познакомиться.

— Ты думаешь?

— Еще бы!

— Ну, пожалуй, я непрочь.

Онисимъ одобрительно поглядѣлъ на Ивана Аѳанасьича.

— Но для чего собственно мнѣ съ ней знакомиться? спросилъ Пѣтушковъ.

— Эво-на! спокойно возразилъ Онисимъ.

Иванъ Аѳанасьичъ всталъ, походилъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ и, не оборачивая головы, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ произнесъ: — Онисимъ!

— Чего-съ?

— А не будетъ ли мнѣ нѣсколько, знаешь, неловко этакъ съ бабой, а?

— Чтòжь, какъ знаете.

— Впрочемъ, я это только такъ. Товарищи могутъ замѣтить, все оно какъ-то.... Впрочемъ я подумаю. Дай-ка мнѣ трубку.... Такъ чтòжь она, прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — Василиса-то говоритъ, что, дескать....

Но Онисимъ не желалъ продолжать разговоръ и принялъ обычный, угрюмый видъ.

IV.

Знакомство Ивана Аѳанасьича съ Прасковьей Ивановной началось слѣдующимъ образомъ. Дней черезъ пять послѣ разговора съ Онисимомъ, Пѣтушковъ отправился вечеркомъ въ булочную. — Ну, думалъ онъ, отпирая скрипучую калитку: — не знаю, что-то будетъ?...

Онъ взошелъ на крыльцо, отворилъ дверь. Пребольшая хохлатая курица съ оглушительнымъ крикомъ бросилась ему прямо подъ ноги и долго потомъ въ волненьи бѣгала по двору. Изъ сосѣдней комнаты выглянуло изумленное лицо толстой бабы. Иванъ Аѳанасьичъ улыбнулся и закивалъ головой. Баба ему поклонилась. Крѣпко стиснувъ шляпу, Пѣтушковъ подошелъ къ ней. Прасковья Ивановна повидимому ожидала почетнаго посѣщенья: платье ея было застегнуто на всѣ крючки. Пѣтушковъ сѣлъ на стулъ; Прасковья Ивановна сѣла противъ него.

— Я къ вамъ, Прасковья Ивановна, болѣе насчетъ.... проговорилъ наконецъ Иванъ Аѳанасьичъ — и замолкъ. Судороги подергивали его губы.

— Милости просимъ, батюшка, отвѣчала Прасковья Ивановна нараспѣвъ и съ поклономъ. — Всякому гостю рады.

Пѣтушковъ немного пріободрился.

— Я давно, знаете, желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться, Прасковья Ивановна.

— Много благодарны, Иванъ Аѳанасьичъ.

Настало молчанье. Прасковья Ивановна утирала себѣ лицо пестрымъ платкомъ; Иванъ Аѳанасьичъ съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ куда-то въ бокъ. Обоимъ было довольно неловко. Впрочемъ въ купеческомъ и мѣщанскомъ быту, гдѣ даже старинные пріятели не сходятся безъ особенныхъ угловатыхъ ужимокъ, неестественная напряженность въ обращеніи гостей и хозяина не только не кажется никому странной, но, напротивъ, почитается совершенно приличной и необходимой, въ особенности при первомъ свиданьи. Прасковьѣ Ивановнѣ весьма понравился Пѣтушковъ. Правда, ему недоставало кудреватой витіеватости слога, столь очаровательной для влюбчиваго сердца; онъ не пришепетывалъ и не говорилъ нѣсколько въ носъ, но зато держалъ себя чинно и добропорядочно, и при томъ все же былъ человѣкъ не безчиновный!

— Я, матушка Прасковья Ивановна, очень люблю ваши булки, сказалъ онъ ей.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ.

— Очень хороши, знаете, очень даже.

— Кушайте, батюшка, на здоровье, кушайте. Съ нашимъ удовольствіемъ.

— Я и въ Москвѣ не ѣдалъ такихъ.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ.

Опять настало молчанье.

— А скажите, Прасковья Ивановна, началъ Иванъ Аѳанасьичъ: — это у васъ вѣдь, кажется, племянница живетъ?

— Родная племянница, батюшка.

— Что́жь она такъ.... у васъ....

— Сирота, такъ и держимъ-съ.

— И что̀жь она, работница?

— Ра-аботница, батюшка, ра-аботница. Такая работница, что и.... и.... и.... Какже-съ, какъ ни-съ.

Иванъ Аѳанасьичъ почелъ за приличное не распространяться болѣе насчетъ племянницы.

— Это у васъ въ клѣткѣ какая птица, Прасковья Ивановна?

— А Богъ ее знаетъ. Птица.

— Гм! Ну, а впрочемъ прощайте, Прасковья Ивановна.

— Просимъ прощенія вашему благородію. Въ другой разъ милости просимъ. Чайку откушать.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, Прасковья Ивановна.

Пѣтушковъ вышелъ. На крыльцѣ ему попалась Василиса. Она засмѣялась.

— Куда вы это ходить изволили, голубчикъ мой, сказалъ Пѣтушковъ не безъ удальства.

— Ну, полноте, полноте, балагуръ, шутникъ вы этакой.

— Хе, хе. А письмецо мое тоже изволили получить?

Василиса спрятала нижнюю часть лица въ рукавъ и ничего не отвѣчала.

— И на меня уже не гнѣваетесь, а?

— Василиса! задребезжалъ голосъ тетки: — а Василиса!

Василиса вбѣжала въ домъ. Пѣтушковъ отправился восвояси. Но съ того дня онъ часто сталъ ходить къ булочницѣ, и недаромъ. Иванъ Аѳанасьичъ, говоря слогомъ возвышеннымъ, достигъ своей цѣли. Обыкновенно достиженіе цѣли охлаждаетъ людей; но Пѣтушковъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгорался. Любовь — дѣло случайное, существуетъ сама по себѣ, какъ искусство, и не нуждается въ оправданьяхъ, какъ природа, сказалъ какой-то умный человѣкъ, который самъ никогда не любилъ, но отлично разсуждалъ о любви. Пѣтушковъ наконецъ страстно привязался къ Василисѣ. Онъ былъ счастливъ вполнѣ. Его душа согрѣлась. Понемногу перетащилъ онъ весь свой скарбъ, по-крайней-мѣрѣ всѣ чубуки свои, къ Прасковьѣ Ивановнѣ и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у ней въ задней комнаткѣ. Прасковья Ивановна брала съ него за обѣдъ деньги и пила его чай, слѣдовательно не жаловалась на его присутствіе. Василиса привыкла къ нему, работала, пѣла, пряла при немъ, иногда молвила съ нимъ слова два; Пѣтушковъ поглядывалъ на нее, покуривалъ трубочку, покачивался на стулѣ, посмѣивался и въ свободные часы игралъ съ нею и съ Прасковьей Ивановной въ дурачки. Иванъ Аѳанасьичъ былъ счастливъ... Но на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и какъ ни малы требованья человѣка, судьба никогда вполнѣ не удовлетворитъ его, даже испортить дѣло, если можно... Ложка дегтю попадетъ-таки въ бочку меду! Иванъ Аѳанасьичъ испыталъ это на себѣ. Во-первыхъ, со времени своего переселенія къ Василисѣ, Пѣтушковъ еще болѣе раззнакомился съ своими товарищами. Онъ

видалъ ихъ только въ необходимыхъ случаяхъ, и тутъ, для избѣжанія намековъ и насмѣшекъ (что́ впрочемъ не всегда ему удавалось), принималъ отчаянно-суровый и сосредоточенно-запуганный видъ зайца, который барабанитъ посреди фейерверка. Во-вторыхъ, Онисимъ не давалъ ему покою, потерялъ всякое къ нему уваженіе, ожесточенно преслѣдовалъ, стыдилъ его. Въ-третьихъ наконецъ.... Увы! читайте далѣе, благосклонный читатель.

V.

Однажды Пѣтушковъ (которому, по вышеозначеннымъ причинамъ, внѣ дома Прасковьи Ивановны приходилось плохо) сидѣлъ въ задней, василисиной, комнаткѣ и хлопоталъ надъ какимъ-то доморощеннымъ снадобьемъ, не то вареньемъ, не то настойкой. Хозяйки не было дома. Василиса сидѣла въ булочной и попѣвала пѣсенку.

Постучались въ форточку. Василиса встала, подошла къ окошку, слегка вскрикнула, засмѣялась и начала съ кѣмъ-то перешоптываться. Вернувшись на мѣсто, она вздохнула и принялась пѣть громче прежняго.

— Съ кѣмъ ты это разговаривала? спросилъ ее Пѣтушковъ.

Василиса продолжала «ломать калину».

— Василиса! слышишь? а Василиса!

— Что́ вамъ?

— Съ кѣмъ ты разговаривала?

— А вамъ на что?

— Да такъ.

Пѣтушковъ вышелъ изъ задней комнаты въ пестромъ архалукѣ, съ засученными рукавами и съ ливеромъ въ рукахъ.

— А съ хорошимъ пріятелемъ, отвѣчала Василиса.

— Съ какимъ хорошимъ пріятелемъ?

— А съ Петромъ Петро́вичемъ.

— Съ Петромъ Петровичемъ?... Съ какимъ Петромъ Петровичемъ?

— А онъ тоже вашъ братъ. Прозвище такое мудреное.

— Бублицынъ?

— Ну, да, да. Петръ Петровичъ.

— И ты его знаешь?

— Еще бы? возразила Василиса, качнувъ головой.

Пѣтушковъ, молча, прошелся разъ десять по комнатѣ.

— Послушай, Василиса, сказалъ онъ наконецъ: — то есть ты какъ его знаешь?

— Какъ знаю.... Знаю.... Онъ баринъ такой хорошій.

— Какъ однакожь хорошій? какъ хорошій? какъ хорошій?

Василиса посмотрѣла на Ивана Аѳанасьича.

— Хорошій? проговорила она медленно и съ недоумѣніемъ. — Извѣстно какой.

Пѣтушковъ закусилъ губы и началъ опять ходить по комнатѣ.

— О чемъ же ты съ нимъ разговаривала? а?

Василиса улыбнулась и потупилась.

— Говори же, говори, говори, говорятъ тебѣ, говори!

— Какой вы сегодня сердитый, замѣтила Василиса.

Пѣтушковъ помолчалъ.

— Ну нѣтъ, Василиса, началъ онъ наконецъ: — нѣтъ, я сердиться не буду.... Ну, скажи же мнѣ, о чемъ же вы говорили?

Василиса засмѣялась.

— Такой, право, шутникъ этотъ Петръ Петровичъ.

— А что́?

— Ухъ, такой!

Пѣтушковъ опять замолчалъ.

— Василиса, ты вѣдь любишь меня? спросилъ онъ ее.

— Ну, и вы туда же!

У бѣднаго Пѣтушкова защемило на сердцѣ. Вошла Прасковья Ивановна. Сѣли обѣдать. Послѣ обѣда Прасковья Ивановна отправилась на палати. Самъ Иванъ Аѳанасьичъ прилегъ на печи, повертѣлся и заснулъ. Осторожный скрипъ разбудилъ его. Иванъ Аѳанасьичъ приподнялся, оперся на локоть, смотритъ: дверь отворена. Онъ вскочилъ — Василисы нѣтъ. Онъ на дворъ — и на дворѣ ея нѣту; на улицу — глядь туда, сюда: Василисы не видать. Безъ шапки пробѣжалъ онъ до самого рынка: нѣтъ, не видать Василисы. Медленно вернулся онъ въ булочную, взлѣзъ на печь, повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Тяже-

ло ему стало. Бублицынъ.... Бублицынъ.... это имя такъ и звучало у него въ ушахъ.

— Что́ съ тобой, батюшка? спросила его сонливымъ голосомъ Прасковья Ивановна. — Чего охаешь?

— Ничего, матушка, такъ. Ничего. Давитъ что-то.

— Грибы, пролепетала Прасковья Ивановна: — все грибы. О Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Часъ прошелъ, другой — Василисы все нѣтъ. Пѣтушковъ двадцать разъ порывался встать и двадцать разъ съ тоской забивался подъ тулупъ... Наконецъ однакожь слѣзъ съ печи и хотѣлъ было домой пойти и на дворъ уже вышелъ, да вернулся. Прасковья Ивановна встала. Работникъ Лука, черный какъ жукъ, хотя и булочникъ, заложилъ хлѣбы въ печь. Пѣтушковъ опять вышелъ на крыльцо и задумался. Проживающій на дворѣ козелъ подобрался къ нему и слегка, дружелюбно толкнулъ его рогами. Пѣтушковъ посмотрѣлъ на него и, Богъ знаетъ почему, сказалъ: «кысь, кысь». Вдругъ низенькая калитка тихо распахнулась и появилась Василиса. Иванъ Аѳанасьичъ отправился къ ней прямо навстрѣчу, взялъ ее за руку и довольно хладнокровно, но рѣшительно, сказалъ ей:

— Ступай за мной.

— Да позвольте, Иванъ Аѳанасьичъ.... я....

— Ступай за мной, повторилъ онъ.

Она повиновалась.

Пѣтушковъ привелъ ее къ себѣ на квартиру. Онисимъ, по обыкновенію, спалъ въ-растяжку. Иванъ Аѳанасьичъ разбудилъ его, велѣлъ зажечь свѣчку. Василиса подошла къ окошку и молча сѣла. Пока Онисимъ возился съ огнемъ въ передней, Пѣтушковъ неподвижно стоялъ у другого окна и глядѣлъ на улицу. Вошелъ Онисимъ съ свѣчкой въ рукахъ, началъ-было ворчать... Иванъ Аѳанасьичъ быстро обернулся.

— Ступай вонъ, сказалъ онъ ему.

Онисимъ остановился посреди комнаты....

— Ступай вонъ, сейчасъ, повторилъ Пѣтушковъ грозно.

Онисимъ посмотрѣлъ на барина и вышелъ.

Иванъ Аѳанасьичъ закричалъ ему вслѣдъ: — Вонъ, совсѣмъ вонъ. Изъ дому. Придешь черезъ два часа.

Онисимъ убрался.

Пѣтушковъ дождался, пока стукнула калитка, и тотчасъ же подошелъ къ Василисѣ.

— Гдѣ ты была?

— Василиса смѣшалась.

— Гдѣ ты была? говорятъ тебѣ... повторилъ онъ....

Василиса посмотрѣла кругомъ....

— Тебѣ я говорю.... Гдѣ ты была?

И Пѣтушковъ поднялъ-было руку....

— Не бейте меня, Иванъ Аѳанасьичъ, не бейте.... съ испугомъ пролепетала Василиса.

Пѣтушковъ отвернулся.

— Бить тебя.... Нѣтъ! я тебя бить не стану. Бить тебя? Извини. Извини, голубушка. Богъ съ тобой. Когда я думалъ, что ты меня любишь, когда я.... когда....

Иванъ Аѳанасьичъ умолкъ. Онъ задыхался.

— Слушай, Василиса, сказалъ онъ наконецъ: — я, ты знаешь, человѣкъ добрый; вѣдь ты знаешь, Василиса, знаешь?

— Знаю, проговорила она, запинаясь.

— Я никому зла не дѣлаю, никому, никому на свѣтѣ. И никого не обманываю. Зачѣмъ же ты меня обманываешь?

— Да я васъ не обманываю, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Не обманываешь? Ну, хорошо. Ну, хорошо. Ну, говори же, гдѣ ты была?

— Я ходила къ Матренѣ.

— Врешь!

— Ей-Богу, къ Матренѣ. Вы спросите у нея, коли мнѣ не вѣрите.

— А Буб.... ну, какъ его.... чорта этого видѣла?

— Видѣла.

— Видѣла? Видѣла? — а! видѣла?

Пѣтушковъ поблѣднѣлъ.

— Такъ ты съ нимъ, поутру-то, у окошка сговаривалась.... а? а?

— Они меня просили притти.

— А ты и пошла.... Спасибо, матушка, спасибо, родная. Пѣтушковъ поклонился Василисѣ въ поясъ.

— Да, Иванъ Аѳанасьичъ, вы можетъ думаете...

— Ужь ты бы лучше не говорила! Да и я, дуракъ, хорошъ. Чего раскричался? Да ты, пожалуй, съ кѣмъ тамъ хочешь

знайся. Мнѣ до тебя дѣла нѣтъ. Вотъ еще. Я тебя и знать-то не хочу.

Василиса встала.

— Воля ваша, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Куда ты идешь?

— Да вѣдь вы сами....

— Я тебя не прогоняю, перебилъ ее Пѣтушковъ.

— Нѣтъ ужь, Иванъ Аѳанасьичъ.... Чтóжь ужь мнѣ у васъ оставаться....

Пѣтушковъ далъ ей дойти до двери.

— Такъ ты уходишь, Василиса?

— Вы меня все обижаете....

— Я тебя обижаю! Бога ты не боишься, Василиса! Когда же я тебя обижалъ? когда? Ну, нѣтъ, нѣтъ, скажи, когда?

— Да какже? Вотъ и теперь чуть меня не побили.

— Василиса, грѣшно, тебѣ. Право грѣшно.

— И еще попрекали, что я, дескать, съ тобой знаться не хочу. Я, дескать, баринъ.

Иванъ Аѳанасьичъ началъ молча ломать себѣ руки. Василиса дошла до средины комнаты.

— Чтóжь? Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ. Я сама по себѣ, а вы сами по себѣ. Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ....

— Полно, Василиса, полно, перебилъ ее Пѣтушковъ. — Ты лучше разсуди, посмотри на меня. Вѣдь я на себя не похожъ. Вѣдь я вишь не знаю, чтó говорю.... Хотя бы ты меня пожалѣла....

— Нѣтъ ужь чтóжь, Иванъ Аѳанасьичъ....

— Ну, полно, Василиса....

— Вы меня все обижаете....

— Эхъ, Василиса! кто прошлое помянетъ, тому глазъ вонъ. Не правда ли? Вѣдь ты на меня не сердишься, не правда ли?

— Вы меня все обижаете, повторила Василиса.

— Не буду, душа, не буду. Прости меня, стараго человѣка. Я впередъ уже не буду никогда. Ну, простила меня, чтó ли?

— Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Ну, засмѣйся, засмѣйся....

— Василиса отвернулась....

— Засмѣялась, душа, засмѣялась, закричалъ Пѣтушковъ и запрыгалъ на мѣстѣ какъ ребенокъ....

VI.

На другой день Пѣтушковъ, по обыкновенію, отправился въ булочную. Все пошло по прежнему. Но въ сердцѣ у него завелась заноза. Онъ уже не такъ часто посмѣивался и иногда задумывался. Настало воскресенье. У Прасковьи Ивановны болѣла поясница; она не слѣзала съ палатей; черезъ силу сходила къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни Пѣтушковъ позвалъ Василису въ заднюю комнатку. Она все утро жаловалась на скуку. Судя по выраженію лица Ивана Аѳанасьича, въ его головѣ вертѣлась мысль необыкновенная и для него самого неожиданная.

— Сядь-ка ты вотъ здѣсь, Василиса, сказалъ онъ ей: — а я тутъ сяду. Мнѣ нужно съ тобой поговорить маленько.

Василиса сѣла.

— Скажи мнѣ, Василиса, ты писать умѣешь?

— Писать?

— Да, писать?

— Нѣтъ, не умѣю.

— А читать?

— И читать не умѣю.

— А ктожь тебѣ письмо-то мое прочиталъ.

— Дьячокъ.

Пѣтушковъ помолчалъ.

— А хотѣла бы ты знать грамотѣ?

— Да на что̀ намъ грамотѣ знать, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Какъ на что̀? Книги можно читать.

— А въ книгахъ-то что̀ стоитъ?

— Все хорошее.... Послушай, хочешь, я тебѣ принесу книжку?

— Да вѣдь я читать не умѣю, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Я буду тебѣ читать.

— Да вѣдь, чай, скушно?

— Какъ можно! скучно! Напротивъ. Оно противъ скуки хорошо.

— Развѣ сказки читать будете?

— А вотъ увидишь — завтра.

Пѣтушковъ къ вечеру возвратился домой и началъ рыться у себя въ ящикахъ. Нашелъ онъ нѣсколько разрозненныхъ томовъ Библіотеки для Чтенія, штукъ пять сѣрыхъ московскихъ романовъ, Ариѳметику Назарова, Дѣтскую Географію съ глобусомъ на заглавномъ листкѣ, вторую часть Исторіи Кайданова, два Сонника, Мѣсяцословъ за 1819-й годъ, два нумера Галатеи, Наталью Долгорукую Козлова и первую часть Рославлева. Долго думалъ онъ, что́ бы выбрать? и наконецъ рѣшился взять поэму Козлова, и Рославлева.

На другой день Пѣтушковъ поспѣшно одѣлся, сунулъ обѣ книжонки подъ лацканъ сюртука, пришелъ въ булочную и, какъ только улучилъ свободное время, усадилъ Василису и началъ читать ей романъ г-на Загоскина. Василиса сидѣла неподвижно, сперва улыбалась, потомъ какъ-будто призадумалась.... потомъ нагнулась немного впередъ; глаза ея съежились, ротъ слегка раскрылся, руки упали на колѣни: она задремала. Пѣтушковъ читалъ скоро, невнятно, глухимъ голосомъ, поднялъ глаза....

— Василиса, ты спишь?

Она встрепенулась, потерла себѣ лицо и потянулась. Пѣтушкову досадно стало на нее и на себя....

— Скушно, лѣниво проговорила Василиса.

— Послушай, хочешь я тебѣ стихи почитаю?

— Какъ?

— Стихи.... хорошіе стихи.

— Нѣтъ, ужь будетъ, право.

Пѣтушковъ проворно досталъ поэму Козлова, вскочилъ, прошелся по комнатѣ, стремительно подбѣжалъ къ Василисѣ — и запѣлъ соловьемъ. Василиса закинула голову назадъ, растопырила руки, вглядѣлась въ лицо Пѣтушкова — и вдругъ залилась звонкимъ и рѣзкимъ хохотомъ... покатилась....

Иванъ Аѳанасьичъ съ досадой швырнулъ книгу на полъ. Василиса продолжала хохотать.

— Ну, чего ты смѣешься, глупая?

Василиса заливалась пуще прежняго.

— Смѣйся, смѣйся, ворчалъ Пѣтушковъ сквозь зубы. — Василиса взялась за бока, заохола.

— Да чему ты, сумасшедшая?

Но Василиса только руками махала. Иванъ Аѳанасьичъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дому. Быстро, неровными шагами шелъ онъ по городу, шелъ, шелъ и очутился у заставы. Вдоль улицы вдругъ застучали колеса, затопали лошади... Кто-то кликнулъ его по имени. Онъ поднялъ голову и увидалъ просторную, старинную линейку. Въ линейкѣ, лицомъ къ нему, сидѣлъ г-нъ Бублицынъ между двумя дѣвицами, дочерьми господина Тютюрёва. Обѣ дѣвицы были одѣты совершенно одинаково, какъ бы въ ознаменованіе ихъ неразрывной дружбы; обѣ улыбались задумчиво, но пріятно, и томно наклоняли головки на бокъ. На другой сторонѣ линейки виднѣлась широкая соломенная шляпа почтеннаго господина Тютюрёва, и отчасти представлялся взорамъ его полный и круглый затылокъ; рядомъ съ его соломенной шляпой возвышался чепецъ его супруги. Самое положеніе обоихъ родителей служило явнымъ доказательствомъ ихъ искренняго благоволенія и довѣренности къ молодому Бублицыну. И молодой Бублицынъ видимо чувствовалъ и цѣнилъ ихъ лестную довѣренность. Конечно онъ сидѣлъ непринужденно, непринужденно разговаривалъ и смѣялся; но въ самой развязности его обращенія замѣчалась нѣжная, трогательная почтительность. А дѣвицы Тютюрёвы? Трудно выразить словами все, что̀ внимательный взоръ наблюдателя открывалъ въ чертахъ обѣихъ сестрицъ. Благонравіе, и кротость, и скромная веселость, грустное пониманіе жизни, и непоколебимая вѣра въ самихъ себя, въ высокое и прекрасное призваніе человѣка на землѣ, приличное вниманіе къ юному собесѣднику, по дарованіямъ умственнымъ можетъ быть не вполнѣ имъ равному, но по сердечнымъ свойствамъ совершенно достойному снисхожденья: вотъ какія качества и чувства изображались въ это время на лицахъ дѣвицъ Тютюрёвыхъ. Бублицынъ кликнулъ Ивана Аѳанасьича по имени, такъ, безъ всякой причины, отъ избытка внутренняго довольства; поклонился ему чрезвычайно дружелюбно и привѣтливо; сами дѣвицы Тытюрёвы поглядѣли на него ласково и кротко, какъ на человѣка, съ которымъ онѣ бы непрочь даже познакомиться.... Маленькой рысцей пробѣжали добрыя, сытыя, смирныя лошадки мимо Ивана Аѳанасьича; плавно покатилась линейка по широкой дорогѣ, разнося добродушный, дѣвическій смѣхъ; въ послѣдній разъ мелькнула шляпа Тютюрёва; пристяжныя закинули голову на бокъ, щепотко за-

прыгали по короткой зеленой травкѣ.... кучеръ засвисталъ одобрительно и бережно : линейка исчезла за ракитами. Она исчезла — и часа черезъ два остановится передъ крыльцомъ гостепріимнаго дома г-дъ Тютюрёвыхъ.

Долго простоялъ на мѣстѣ бѣдный Пѣтушковъ.

— Сирота я, сирота казанская, прошепталъ онъ наконецъ...

Оборванный мальчишка остановился передъ нимъ, робко посмотрѣлъ на него, протянулъ руку....

— Христа ради, баринъ хорошій.

Пѣтушковъ досталъ грошъ :

— На тебѣ на твое сиротство, проговорилъ онъ черезъ силу, и пошелъ опять въ булочную. — На порогѣ василисиной комнатки остановился Иванъ Аѳанасьичъ.

— Вотъ, подумалъ онъ : — вотъ съ кѣмъ я знаюсь! Вотъ оно, мое семейство! вотъ оно!... И тутъ Бублицынъ, и тамъ Бублицынъ....

Василиса сидѣла къ нему спиной и, беззаботно попѣвая, разматывала нитки; платье на ней было ситцевое, полинялое; волосы она заплела кое-какъ... Въ комнатѣ, невыносимо жаркой, пахло перной, старыми тряпками; кой-гдѣ по стѣнамъ проворно мчались рыжіе, щеголеватые прусаки; на дряхломъ комодѣ, съ дырочками вмѣсто замкóвъ, лежалъ, подлѣ разбитой помадной банки, стоптанный женскій башмакъ.... На полу еще валялась поэма Козлова... Пѣтушковъ покачалъ головой, скрестилъ руки и вышелъ. Онъ былъ обиженъ.

Дома онъ приказалъ подать себѣ одѣться. Онисимъ поплелся за сюртукомъ. Пѣтушкову весьма хотѣлось вызвать Онисима на разговоръ, но Онисимъ молчалъ угрюмо. Наконецъ Иванъ Аѳанасьичъ не вытерпѣлъ.

— Чтóжь ты меня не спрашиваешь, куда я иду?

— А на что мнѣ знать, куда вы идете.

— Какъ на чтó? Ну, придетъ кто-нибудь за нужнымъ дѣломъ, спроситъ : гдѣ-молъ, дескать, Иванъ Аѳанасьичъ? А ты ему и скажешь : Иванъ Аѳанасьичъ туда-то пошелъ.

— За нужнымъ дѣломъ.... Да кто къ вамъ за нужнымъ дѣломъ-то ходитъ?

— Вотъ ты опять начинаешь грубить? Вѣдь вотъ опять?

Онисимъ отвернулся и принялся чистить сюртукъ.

— Право, Онисимъ, ты человѣкъ пренепріятный.

Онисимъ изъ-подлобья поглядѣлъ на барина.

— И всегда ты такъ. Вотъ ужь именно всегда.

Онисимъ улыбнулся.

— Да на что́ мнѣ у васъ спрашивать, Иванъ Аѳанасьичъ, куда вы идете? Какъ-будто я не знаю? Къ булочницѣ?

— А вотъ и вздоръ! вотъ и совралъ! Совсѣмъ не къ ней. Я къ булочницѣ больше ходить не намѣренъ.

Онисимъ прищурился и тряхнулъ вѣникомъ. Пѣтушковъ ожидалъ одобренья; но слуга его безмолствовалъ.

— Не годится, продолжалъ строгимъ голосомъ Пѣтушковъ: — не прилично.... Ну, говори же ты, что̀ ты думаешь?

— Что̀ мнѣ думать? Ваша воля. Что́ мнѣ думать?

Пѣтушковъ надѣлъ сюртукъ. Не вѣритъ мнѣ, бестія, подумалъ онъ про себя.

Онъ вышелъ изъ дому, но ни къ кому не зашелъ. Походилъ по улицамъ. Обратилъ вниманіе на заходящее солнце. Наконецъ часу въ девятомъ воротился домой. Онъ улыбался; онъ безпрестанно пожималъ плечами, какъ бы дивясь своей глупости. Вѣдь вотъ, думалъ онъ: — что̀ значитъ твердая воля....

На другой день Пѣтушковъ всталъ довольно поздно. Ночь онъ провелъ не совсѣмъ хорошо, до самого вечера онъ не выходилъ никуда и скучалъ страшно. Перечелъ Пѣтушковъ всѣ свои книжонки, вслухъ похвалилъ одну повѣсть въ Библіотекѣ для Чтенія. Ложась спать, велѣлъ Онисиму подать себѣ трубку. Онисимъ вручилъ ему предрянной чубучокъ. Пѣтушковъ началъ курить; чубучокъ захрипѣлъ какъ запаленная лошадь.

— Что́ за гадость! воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ: — гдѣ же моя черешневая трубка?

— А въ булочной, спокойно возразилъ Онисимъ.

Пѣтушковъ судорожно моргнулъ глазами.

— Что́жь? прикажете сходить?

— Нѣтъ, не нужно; ты не ходи.... не нужно: не ходи, слышишь?

— Слушаю-съ.

Ночь прошла кое-какъ. Утромъ Онисимъ, по обыкновенію, подалъ Пѣтушкову на тарелкѣ съ синими цвѣточками бѣлую, свѣжую булку. Иванъ Аѳанасьичъ посмотрѣлъ въ окно и неестественно спросилъ Онисима:

— *Ты* ходилъ въ булочную?

— Комужь ходить, коли не мнѣ?

— А!

Пѣтушковъ углубился въ размышленіе.

— Скажи пожалуйста, ты тамъ видѣлъ кого-нибудь?

— Извѣстно, видѣлъ.

— Кого же ты тамъ видѣлъ, напримѣръ?

— Да извѣстно кого: Василису.

Иванъ Аѳанасьичъ умолкъ. Онисимъ убралъ со стола и уже вышелъ-было изъ комнаты....

— Онисимъ, слабо воскликнулъ Пѣтушковъ.

— Чего извольте?

— А.... обо мнѣ она не спрашивала?

— Извѣстно, не спрашивала.

Пѣтушковъ стиснулъ зубы. — Вотъ, подумалъ онъ: — вотъ она, любовь-то... Онъ опустилъ голову. — А вѣдь смѣшонъ же я былъ, подумалъ онъ опять: — вздумалъ ей стихотворенья читать! Эка! Да вѣдь она дура! Да вѣдь ей, дурѣ, только бы на печи лежать да блины ѣсть! Да вѣдь она деревяшка, совершенная деревяшка, необразованная мѣщанка!

— Не пришла.... шепталъ онъ, два часа спустя, сидя на томъ же мѣстѣ: — не пришла! Каково? вѣдь она могла видѣть, что я ушелъ отъ нея разсерженный! вѣдь она могла же знать, что я наконецъ, того, обидѣлся! Вотъ тебѣ и благодарность! Вотъ тебѣ и любовь! И не спросила даже, здоровъ ли я? Здоровъ ли, дескать, Иванъ Аѳанасьичъ? Вторыя сутки меня не видитъ — и ничего!... Даже можетъ быть опять изволила видѣться съ этимъ Буб.... Счастливчикъ! Тьфу, чортъ возьми, какой я дуракъ.

Пѣтушковъ всталъ, молча прошелся по комнатѣ, остановился, слегка наморщилъ брови и почесалъ у себя въ затылкѣ. — Однако, сказалъ онъ вслухъ: — пойду-ка я къ ней. Надобно же посмотрѣть, что́ она тамъ-таки дѣлаетъ? Пристыдить ее надобно. Рѣшительно пойду. Онька! одѣваться!

— Ну, думалъ онъ, одѣваясь: — посмотримъ, что̀-то будетъ, что̀-то она мнѣ скажетъ? Она, пожалуй, чего добраго, на меня сердится. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ ходилъ-ходилъ, ходилъ-ходилъ, да вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взялъ да пересталъ ходить. А вотъ посмотримъ.

Иванъ Аѳанасьичъ вышелъ изъ дому и добрался до булочной. Онъ остановился у калитки: надобножь оправиться и обтянуться... Пѣтушковъ взялся обѣими руками за фалды да чуть не оторвалъ ихъ прочь совсѣмъ.... Судорожно покрутилъ онъ затянутой шеей, растегнулъ верхній крючокъ воротника, вздохнулъ....

— Чтожь вы стоите, закричала ему Прасковья Ивановна изъ окошка. — Войдите.

Пѣтушковъ вздрогнулъ и вошелъ. Прасковья Ивановна встрѣтила его на порогѣ.

— Что это вы, батюшка, къ намъ вчера не пожаловали? Аль нездоровьице какое помѣшало?

— Да, у меня что-то вчера голова болѣла....

— А вы бы къ височкамъ по огурчику приложили, мой батюшка. Какъ рукой бы сняло. А теперь не болитъ головка?

— Нѣтъ, не болитъ.

— Ну, и слава Тебѣ, Господи!

Иванъ Аѳанасьичъ отправился въ заднюю комнатку. Василиса увидала его.

— А! здравствуйте, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Здравствуйте, Василиса Тимофѣвна.

— Куда вы ливеръ дѣвали, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Ливеръ? какой ливеръ?

— Ливеръ.... нашъ ливеръ. Вы его, должно быть, къ себѣ занесли. Вы вѣдь такой.... прости Господи!...

Пѣтушковъ принялъ важный и холодный видъ. Я прикажу своему человѣку посмотрѣть. Такъ-какъ я вчера здѣсь не былъ, значительно проговорилъ онъ....

— Ахъ, да вѣдь точно, васъ вчера здѣсь не было.—Василиса присѣла на корточки и начала рыться въ сундукѣ.... Тетка! А тетка!

— Че-а-во?

— Ты, чтоль, взяла мою косынку?

— Какую косынку?

— А жолтую.

— Жолтую?

— Да, жолтую, съ разводами.

— Нѣтъ, не брала.

Пѣтушковъ нагнулся къ Василисѣ.

— Послушай, Василиса, меня; послушай-ка, что́ я тебѣ скажу. Теперь дѣло идетъ не о ливерахъ да о косынкахъ; этимъ вздоромъ можно и въ другое время заняться.

Василиса не тронулась съ мѣста и только подняла голову.

— Ты скажи мнѣ, по чистой совѣсти, любишь ли ты меня, или нѣтъ? Вотъ что́ я желаю знать наконецъ?

— Ахъ, какой же вы, Иванъ Аѳанасьичъ.... Ну да, разумѣется.

— А коли любишь, какъ же ты это ко мнѣ вчера не зашла? Некогда было? Ну, прислала бы узнать, что́, дескать, не боленъ ли я, что меня нѣту? А тебѣ и горюшка мало. Я хоть тамъ, пожалуй, умирай себѣ, ты и не пожалѣешь.

— Эхъ, Иванъ Аѳанасьичъ, не всежь про одно думать; работать надобно.

— Оно конечно, возразилъ Пѣтушковъ: — а все-таки.... И надъ старшими смѣяться не слѣдуетъ.... Нехорошо. Притомъ не мѣшаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ.... А гдѣ же моя трубка?

— Вонъ ваша трубка.

Пѣтушковъ началъ курить....

VII.

Нѣсколько дней протекло снова повидимому довольно мирно. Но, говоря слогомъ высокимъ, гроза приближалась. Пѣтушковъ мучился, ревновалъ, не спускалъ глазъ съ Василисы, тревожно наблюдалъ за ней, надоѣдалъ ей страшно. Вотъ однажды вечеромъ Василиса одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго и, улучивъ удобное мгновенье, отправилась куда-то въ гости. Наступила ночь: она не возвращалась. Пѣтушковъ на-зарѣ пришелъ къ себѣ на квартиру и въ 8-мъ часу утра побѣжалъ въ булочную.... Василиса не приходила. Съ невыразимымъ замираньемъ сердца ожидалъ онъ ее до самого обѣда.... за столъ сѣли безъ нея.

— Куда это она запропастилась? равнодушно проговорила Прасковья Ивановна....

— Вы ее балуете, вы ее просто совершенно избалуете! съ отчаяньемъ повторилъ Пѣтушковъ.

— И! батюшка! за дѣвкой не усмотришь! отвѣчала Прасковья Ивановна. — Богъ съ ней! Лишь бы свое дѣло дѣлала... Отчегожь человѣку и не погулять....

Морозъ подиралъ по кожѣ Ивана Аѳанасьича. Наконецъ къ вечеру явилась Василиса. Онъ только этого и ожидалъ. Торжественно поднялся Пѣтушковъ съ своего мѣста, сложилъ руки, грозно нахмурилъ брови.... Но Василиса смѣло взглянула ему въ глаза, нагло засмѣялась и, не давши ему выговорить слова, проворно вошла въ свою комнату и заперлась. Иванъ Аѳанасьичъ раскрылъ ротъ, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Прасковью Ивановну.... Прасковья Ивановна опустила глаза. Иванъ Аѳанасьичъ постоялъ немного, ощупью сыскалъ фуражку, надѣлъ ее криво на голову и вышелъ, не закрывши рта.

Онъ пришелъ домой, взялъ кожаную подушку и вмѣстѣ съ нею бросился на диванъ, лицомъ къ стѣнѣ. Онисимъ выглянулъ изъ передней, вошелъ въ комнату, прислонился къ двери, понюхалъ табаку, скрестилъ ноги....

— Аль нездоровы, Иванъ Аѳанасьичъ? спросилъ онъ Пѣтушкова.

Пѣтушковъ не отвѣчалъ.

— За дохтуромъ сходить прикажете? продолжалъ, погодя немного, Онисимъ.

— Я здоровъ.... Ступай, глухо проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ.

— Здоровы.... нѣтъ, вы нездоровы, Иванъ Аѳанасьичъ.... Какое это здоровье?

Пѣтушковъ молчалъ.

— Вы посмотрите лучше на себя. Вѣдь вы такъ исхудали, что просто на себя не стали похожи. А все изъ-за чего? Какъ подумаешь, такъ, ей-Богу, умъ за разумъ заходитъ. А еще благородные!

Онисимъ помолчалъ.... Пѣтушковъ не шевелился.

— Развѣ такъ благородные поступаютъ? Ну, пошалили бы... почемужь бы и не такъ... пошалили бы, да и за щеку. А то что́? Вотъ ужь точно можно сказать: полюбится сатана пуще яснаго сокола.

Ивана Аѳанасьича только покоробило.

— Ну, право же такъ, Иванъ Аѳанасьичъ. Другой бы мнѣ сказалъ про васъ: вотъ что́, вотъ что́, вотъ какія дѣла.... Я бы

ему сказалъ: Дуракъ ты, поди прочь, за кого ты меня принимаешь? Чтобы я этому повѣрилъ? Я и теперь самъ вижу, да не вѣрю. Вѣдь ужь хуже этого быть ничего не можетъ. Зелья, что́ ли, она какого дала вамъ? Вѣдь что́ въ ней? Коли такъ разсудить, совершенные пустяки, просто плюнуть стоитъ. И говорить-то она порядочно не умѣетъ.... Ну, просто, дѣвка какъ дѣвка! Еще хуже.

— Ступай, простоналъ Иванъ Аѳанасьичъ въ подушку.

— Нѣтъ, я не пойду, Иванъ Аѳанасьичъ. Комужь говорить, коли не мнѣ? Что̀, въ самомъ дѣлѣ? Вотъ вы теперь сокрушаетесь.... а изъ чего? Ну, изъ чего? помилуйте, скажите.

— Да ступай же, Онисимъ, опять простоналъ Пѣтушковъ.

Онисимъ, для приличья, помолчалъ немного.

— И вѣдь то сказать, началъ онъ опять: — она благодарности никакой не чувствуетъ. Другая бы не знала, какъ вамъ угодить; а она!... она и не думаетъ о васъ. Вѣдь это просто срамъ. Вѣдь что̀ о васъ говорятъ, и пересказать нельзя. Меня даже стыдятъ. Ну, кабы я это прежде могъ знать, ужь яжь бы ее....

— Да ступай же наконецъ, чортъ! закричалъ Пѣтушковъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста и не поднимая головы.

— Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, продолжалъ неумолимый Онисимъ. — Я для вашего же добра. Плюньте, Иванъ Аѳанасьичъ, просто плюньте, послушайтесь меня. А нето я бабку приведу: отговоритъ какъ разъ. Сами потомъ смѣяться будете; скажете мнѣ: Онисимъ, а вѣдь удивительно, какъ это бываетъ иногда! Ну, сами посудите: вѣдь такихъ, какъ она, у насъ какъ собакъ.... Только свисни....

Какъ бѣшеный вскочилъ Пѣтушковъ съ дивана.... но, къ изумленью Онисима, уже поднявшаго обѣ руки въ уровень своихъ ланитъ, сѣлъ опять, словно кто ноги ему подкосилъ.... По блѣдному его лицу катились слезы, косичка волосъ торчала на темени, глаза глядѣли мутно.... искривленныя губы дрожали... голова упала на грудь.

Онисимъ посмотрѣлъ на Пѣтушкова и тяжко бросился на колѣни.

— Батюшка, Иванъ Аѳанасьичъ, воскликнулъ онъ: — ваше благородіе! Извольте наказать меня, дурака! Я васъ обезпокоилъ, Иванъ Аѳанасьичъ... Да какъ я смѣлъ! Извольте наказать

меня, ваше благородіе.... Стоитъ вамъ плакать отъ моихъ глупыхъ рѣчей.... батюшка, Иванъ Аѳанасьичъ....

Но Пѣтушковъ даже не поглядѣлъ на своего слугу, отвернулся и забился опять въ уголъ дивана.

Онисимъ поднялся, подошелъ къ барину, постоялъ надъ нимъ, раза два хватилъ себя за волосы....

— Не хотите ли, батюшка, раздѣться... Въ постель бы легли.... малины бы покушали.... Не извольте печалиться.... Это только съ полу-горя, это все ничего... все пойдетъ на ладъ, говорилъ онъ ему черезъ каждыя двѣ минуты.... Но Пѣтушковъ не поднимался съ дивана и только изрѣдка пожималъ плечами, подводилъ колѣни къ животу....

Онисимъ всю ночь не отходилъ отъ него. Къ утру Пѣтушковъ заснулъ, но спалъ недолго. Часовъ въ семь всталъ онъ съ дивана, блѣдный, взъерошенный, усталый,—потребовалъ чаю.

Онисимъ подобострастно и проворно наставилъ самоваръ.

— Иванъ Аѳанасьичъ, заговорилъ онъ наконецъ робкимъ голосомъ: — вы на меня не изволите гнѣваться?

— За что́жь я буду гнѣваться на тебя, Онисимъ? отвѣчалъ бѣдный Пѣтушковъ. — Ты вчера былъ совершенно правъ. и я совершенно съ тобой во всемъ согласенъ.

— Я только изъ усердія, Иванъ Аѳанасьичъ....

— Я знаю, что изъ усердія.

Пѣтушковъ замолчалъ и опустилъ голову.

Онисимъ видѣлъ, что дѣло неладно.

— Иванъ Аѳанасьичъ, заговорилъ онъ вдругъ.

— Что́?

— Хотите, я Василису позову сюда.

Пѣтушковъ немедленно покраснѣлъ.

— Нѣтъ, Онисимъ, не хочу (Да! какъ бы не такъ! придетъ она! подумалъ онъ про себя). — Надобно показать твердость. Это все вздоръ. Вчера я, того.... Это срамъ. Ты правъ. Надобно все это прекратить, какъ говорится, разомъ. Не правда ли?

— Сущую правду изволите говорить, Иванъ Аѳанасьичъ.

Пѣтушковъ опять погрузился въ думу. Онъ самъ себѣ дивился, словно самъ себя не узнавалъ. Онъ сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ на полъ. Мысли въ немъ волновались словно дымъ или туманъ, а въ груди было пусто и тяжело въ одно время.

— Да что́жь это такое наконецъ? думалъ онъ иногда и опять затихалъ. — Пустяки, баловство! говорилъ онъ вслухъ и поводилъ рукой по лицу, отряхался, и рука его снова падала на колѣни, глаза опять останавливались на полу.

Онисимъ внимательно и печально глядѣлъ на своего господина.

Пѣтушковъ поднялъ голову.

— А скажи-ка мнѣ, Онисимъ, заговорилъ онъ: — правда ли, точно бываютъ такія приворотныя зелья?

— Бываютъ-съ, какже-съ, возразилъ Онисимъ и выставилъ ногу впередъ. — Вотъ хоть бы изволите знать унтера Круповатаго?... У него братъ отъ приворота пропалъ. И приворотили-то его къ бабѣ старой, къ поварихѣ, вотъ что̀ извольте разсудить! Дали съѣсть простой кусокъ аржаного хлѣба, съ наговоромъ разумѣется. Вотъ и врѣзался круповатовскій братъ по уши въ повариху, такъ и бѣгалъ всюду за поварихой, души въ ней не чаялъ, наглядѣться не могъ. Бывало, что̀ она ему ни скомандуй, онъ тотчасъ и повинуется. Даже при другихъ, при чужихъ людяхъ она имъ щоголяла. Ну, и вогнала его наконецъ въ чахотку. Такъ и умеръ круповатовскій братъ. А вѣдь повариха была, да еще и старая, престарая (Онисимъ понюхалъ табаку). — Чтобъ имъ пусто было, всѣмъ этимъ дѣвкамъ и бабамъ!

— Она меня вовсе не любитъ, это наконецъ ясно, это наконецъ никакому сомнѣнію не подвержено, бормоталъ вполголоса Пѣтушковъ, дѣлая притомъ такія движенія головой и руками, какъ-будто объяснялъ совершенно постороннему человѣку совершенно постороннее дѣло.

— Да, продолжалъ Онисимъ: — бываютъ такія бабы.

VIII.

Странное чувство овладѣло Иваномъ Аѳанасьичемъ, когда онъ очутился на улицѣ.

— Да что это я словно во снѣ хожу? думалъ онъ про себя: — съ ума я сошелъ, что́ ли? Вѣдь это наконецъ невѣроятно.

Ну, чортъ возьми, разлюбила меня, ну и я ее разлюбилъ, ну и... Чтóжь тутъ необыкновеннаго.

Пѣтушковъ нахмурилъ брови.

— Надобно это кончить наконецъ, сказалъ онъ почти вслухъ: — пойду и объяснюсь рѣшительно въ послѣдній разъ, чтобъ ужь и помину потомъ не было.

Пѣтушковъ скорыми шагами отправился въ булочную. Племянникъ работника Луки, маленькій мальчишка, другъ и наперсникъ проживавшаго на дворѣ козла, проворно вскочилъ въ калитку, лишь только завидѣлъ издали Ивана Аѳанасьича.

Прасковья Ивановна вышла навстрѣчу Пѣтушкову.

— Племянницы вашей нѣту дома? спросилъ Пѣтушковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

Пѣтушковъ внутренно обрадовался отсутствію Василисы.

— Я пришелъ съ вами объясниться, Прасковья Ивановна.

— О чемъ это, батюшка?

— А вотъ о чемъ. Вы понимаете, что послѣ всего.... произошедшаго.... послѣ подобнаго, такъ сказать, поступка (Пѣтушковъ немного смѣшался).... словомъ сказать.... Но однако вы на меня пожалуйста не сердитесь.

— Такъ-съ.

— Напротивъ, войдите въ мое положеніе, Прасковья Ивановна.

— Такъ-съ.

— Вы женщина разсудительная, вы сами поймете, что.... что мнѣ уже теперь больше нельзя къ вамъ ходить.

— Такъ-съ, протяжно повторила Прасковья Ивановна.

— Повѣрьте, я очень сожалѣю; признаюсь, мнѣ даже больно, истинно больно....

— Вамъ лучше знать-съ, спокойно возразила Прасковья Ивановна. — Въ вашей волѣ-съ. А вотъ, позвольте, я счетецъ вашъ подамъ-съ.

Пѣтушковъ никакъ не ожидалъ такого скораго согласія. Онъ вообще и не желалъ «согласія»; онъ хотѣлъ-было только напугать Прасковью Ивановну и въ особенности Василису. Ему становилось жутко.

— Я знаю, заговорилъ онъ: — Василисѣ это нисколько не будетъ непріятно; напротивъ, я думаю, она будетъ рада.

Прасковья Ивановна достала счеты и начала стучать костяшками.

— Съ другой стороны, продолжалъ все болѣе и болѣе взволнованный Пѣтушковъ: — еслибъ, напримѣръ, Василиса объяснила мнѣ свое поведеніе... можетъ быть.... я... хотя конечно... я не знаю, можетъ быть я бы увидалъ, что тутъ собственно нѣтъ никакой вины.

— За вами, батюшка, тридцать семь рублей сорокъ копеекъ ассигнаціею, заговорила Прасковья Ивановна. — Вотъ, не угодно ли повѣрить.

Иванъ Аѳанасьичъ не отвѣчалъ ни слова.

— Восемнадцать обѣдовъ по семи гривенъ за каждый: двѣнадцать рублей, шесть гривенъ.

— Итакъ, мы разстаемся съ вами, Прасковья Ивановна?

— Что́жь, батюшка, дѣлать? Такіе ли бываютъ случаи? Двѣнадцать самоваровъ по гривенничку....

— Но скажите хоть вы мнѣ, Прасковья Ивановна, куда это ходила Василиса, и за чѣмъ это она....

— А я, батюшка, ея не распрашивала... Рубль двадцать копеекъ серебряною монетой.

Иванъ Аѳанасьичъ задумался.

— Квасу и кислыхъ щей, продолжала Прасковья Ивановна, отдѣляя костяшки на счетахъ не указательнымъ, а третьимъ пальцемъ: — на полтину серебромъ. Къ чаю сахару и булокъ на полтину серебромъ. Четыре картуза табаку куплено по вашему приказанію: восемь гривенъ серебромъ. Портному Купріяну Аполлонову....

Иванъ Аѳанасьичъ вдругъ поднялъ голову, протянулъ руку и смѣшалъ кости.

— Что́жь это вы, батюшка, дѣлаете! заговорила Прасковья Ивановна. — Али мнѣ не вѣрите?

— Прасковья Ивановна, возразилъ Пѣтушковъ, торопливо улыбаясь: — я раздумалъ. Я такъ, знаете, пошутилъ. Останемся-ка лучше пріятелями по старому. Что́ за пустяки. Какъ можно намъ съ вами разстаться, скажите пожалуйста?

Прасковья Ивановна опустила голову и не отвѣчала ему.

— Ну, повздорили—и кончено, продолжалъ Иванъ Аѳанасьичъ, похаживая по комнатѣ, потирая руки и какъ бы снова

вступая въ прежнія права. — Аминь! а вотъ я лучше трубочку выкурю.

Прасковья Ивановна все не трогалась съ мѣста....

— Я вижу, вы на меня сердитесь, сказалъ Пѣтушковъ. — Я можетъ быть васъ обидѣлъ. Ну, что̀жь? простите великодушно.

— Какое, батюшка, обидѣлъ! Какая тутъ обида!... Только ужь вы, батюшка, пожалуйста, прибавила Прасковья Ивановна кланяясь: — не извольте больше къ намъ ходить.

— Какъ?!

— Не-слѣдъ намъ, батюшка, съ вами знаться, ваше благородіе. Ужь пожалуйста, сдѣлайте милость....

Прасковья Ивановна продолжала кланяться.

— Отчего же? пробормоталъ изумленный Пѣтушковъ.

— Да ужь такъ, батюшка. Окажите божескую милость.

— Да нѣтъ, Прасковья Ивановна, надобно объясниться....

— Василиса, батюшка, васъ проситъ. Говоритъ: благодарна, очинно благодарна, и чувствую; только ужь впередъ, ваше благородіе, увольте.

Прасковья Ивановна чуть не въ ноги поклонилась Пѣтушкову.

— Василиса, вы говорите, меня проситъ не ходить?

— Именно такъ, батюшка, ваше благородіе. Какъ вы сегодня изволили пожаловать, да какъ заговорили, что, дескать, не желаете больше посѣщать то есть насъ, я такъ, батюшка, и обрадовалась, думаю: вотъ и слава Богу, вотъ какъ оно ладно пришлось. Ато у меня у самой языкъ бы не повернулся.... Окажите милость, батюшка.

Пѣтушковъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ почти въ одно мгновенье. Прасковья Ивановна все продолжала кланяться....

— Очень хорошо, рѣзко воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ. — Прощайте.

Онъ круто повернулся и надѣлъ фуражку.

— А счетецъ-то, батюшка....

— Пришлите ко мнѣ....

Пѣтушковъ вышелъ гордой и твердой поступью изъ булочной и даже не оглянулся.

Прошли двѣ недѣли. Сначала Пѣтушковъ храбрился чрезвычайно, выходилъ, посѣщалъ своихъ товарищей, исключая,

разумѣется, Бублицына, но, несмотря на преувеличенныя похвалы Онисима, чуть не сошелъ наконецъ съ ума отъ тоски, ревности и скуки. Одни разговоры съ Онисимомъ о Василисѣ доставляли ему нѣкоторую отраду. Начиналъ разговоръ, «задиралъ» всегда Пѣтушковъ: Онисимъ неохотно отвѣчалъ ему.

— А вѣдь странное дѣло, говорилъ, напримѣръ, Иванъ Аѳанасьичъ, лежа на диванѣ, межъ тѣмъ какъ Онисимъ, по обыкновенію, стоялъ прислонившись къ двери, скрестивъ руки за спину: — какъ подумаешь, ну, что́ я нашелъ въ этой дѣвушкѣ? Кажется, ничего необыкновеннаго въ ней нѣтъ. Правда, она добра. Этого нельзя у ней отнять.

— Какое добра! съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Онисимъ.

— Ну, нѣтъ, Онисимъ, продолжалъ Пѣтушковъ: — надо правду говорить. Теперь оно дѣло прошлое; мнѣ теперь все равно; но что̀ справедливо, то справедливо. Ты ея не знаешь. Она предобрѣйшая. Ни одного нищаго не пропуститъ такъ: хоть корку хлѣба, а дастъ. Ну, и нрава она веселаго — это тоже надобно сказать.

— Вотъ еще что́ выдумали! Гдѣ нашли веселый нравъ!

— Я тебѣ говорю... ты ея не знаешь. И безсребренница тоже она.... это тоже. Не интересанка, нечего сказать. Ну, хоть бы я ей — ничего вѣдь не давалъ, ты самъ знаешь.

— Оттого-то она васъ и бросила.

— Нѣтъ, не оттого! со вздохомъ замѣчалъ Пѣтушковъ.

— Да вы въ нее до сихъ поръ влюбились, ядовито возражалъ Онисимъ. — Вы бы рады опять за прежнее.

— Вотъ ужь это ты пустяки сказалъ. Нѣтъ, братъ, ты меня тоже, видно, не знаешь. Меня же прогнали, да я же пойду кланяться. Нѣтъ, извини. Нѣтъ, я тебѣ говорю, повѣрь мнѣ, это все теперь дѣло прошлое.

— Дай Богъ! дай Богъ!

— Но почемужь мнѣ теперь и не отдать ей справедливости наконецъ? Ну, что̀жь я скажу, что она собой нехороша, — ну. ктожь мнѣ повѣритъ?

— Вотъ нашли красавицу!

— Ну, найди мнѣ, — ну, назови кого-нибудь лучше-то ея....

— Ну, такъ пойдите къ ней опять!...

— Эка! Да я развѣ для того это говорю, что̀ ли? Ты меня пойми....

— Охъ! понимаю я васъ, съ тяжолымъ вздохомъ отвѣчалъ Онисимъ....

Прошла еще недѣля. Пѣтушковъ пересталъ даже разговаривать съ своимъ Онисимомъ, пересталъ выходить. Съ утра до вечера лежалъ онъ на диванѣ, закинувъ руки за голову. Сталъ онъ худѣть и блѣднѣть, ѣлъ неохотно и торопливо, трубки вовсе не курилъ. Онисимъ только головой покачивалъ, глядя на него.

— А вѣдь вамъ нехорошо, Иванъ Аѳанасьичъ, говорилъ онъ ему не разъ.

— Нѣтъ, ничего, возражалъ Пѣтушковъ.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день (Онисима не было дома) Пѣтушковъ всталъ, пошарилъ у себя въ комодѣ, надѣлъ шинель, хотя солнце пекло порядкомъ, украдкой вышелъ на улицу и черезъ четверть часа опять вернулся.... Онъ что-то несъ подъ шинелью....

Онисима не было дома. Цѣлое утро онъ все сидѣлъ у себя въ коморкѣ, разсуждалъ самъ съ собой, ворчалъ и ругался сквозь зубы и наконецъ отправился къ Василисѣ.

Онъ засталъ ее въ булочной. Прасковья Ивановна спала на печи, мѣрно и томно похрапывая.

— Ахъ, здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ, съ улыбкой проговорила Василиса: — что̀ васъ давно не видать?

— Здорово.

— Что̀ вы такіе невеселые? Чайку не хотите ли?

— Не обо мнѣ теперь рѣчь, съ досадой возразилъ Онисимъ.

— А что̀?

— Что̀! Не понимаешь меня, что̀ ли? Что̀! Что̀ ты надѣлала съ моимъ бариномъ, вотъ что̀ мнѣ скажи.

— Что̀ такое я надѣлала?

— Что̀ такое ты надѣлала.... Поди-ка, посмотри на него. Вѣдь онъ того и гляди, что занеможетъ аль и совсѣмъ умретъ.

— Чѣмъ же я виновата, Онисимъ Сергѣичъ?

— Чѣмъ! Богъ тебя знаетъ. Вишь онъ въ тебѣ души не чаетъ. А ты съ нимъ какъ съ своимъ братомъ, прости Господи, обошлась. Не ходи, дескать: надоѣлъ. Вѣдь онъ хоть и неваж-

ный, а все же господинъ. Вѣдь онъ благородный.... Понимаешь?

— Да онъ такой скучный, Онисимъ Сергѣичъ...

— Скучный! А тебѣ все веселыхъ нужно.

— Да и не то, что скучный: такой сердитый, ревнивый такой.

— Ахъ, ты, астраханская царевна Меликитриса! Вишь онъ обезпокоилъ тебя!

— Да вы сами, Онисимъ Сергѣичъ, помнится, на него сердились, зачѣмъ, дескать, знается, зачѣмъ все ходитъ?

— А чтóжь, хвалить его надо было за это, чтó ли?

— Ну, такъ чтóжь вы теперь на меня осерчали? за чтò? Вотъ и ходить пересталъ.

— Да чтóжь мнѣ съ нимъ дѣлать, коли онъ такой сумасшедшій, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — Давно ты его не видала?

— Да съ тѣхъ поръ не видала?

— Ну, то-то же и есть.

— Такъ чѣмъ же я виновата? Чѣмъ же я помочь-то могу?

— А вотъ чѣмъ: пойдемъ-ка со мной къ нему.

— Сохрани Господи!

— Отчегожь ты не пойдешь?

— Да зачѣмъ же я пойду къ нему? помилуйте.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что вотъ онъ говоритъ, что ты добрая; посмотрю я, какая ты добрая.

— Да какое же добро я могу ему сдѣлать?

— Ну, ужь про это я знаю. Стало быть плохо, коли я къ тебѣ пришелъ. Видно ужь другого средствія не придумалъ.

Онисимъ помолчалъ немного.

— Ну, пойдемъ, Василиса, пожалуйста, пойдемъ.

— Да онъ, чего добраго, меня выбранитъ или...

— Ужь это мое дѣло. За это я тебѣ ручаюсь. Пойдемъ, Василиса. Ну-у.

— Да, Онисимъ Сергѣичъ, я не хочу съ нимъ опять знаться....

— Да и ненужно — кто тебѣ говоритъ? Такъ, слова два скажи: дескать, что изволите печалиться.... Полноте.... Вотъ и все.

— Право, Онисимъ Сергѣичъ....

— Да что́жь мнѣ кланяться тебѣ, что̀ ли? Ну, изволь — вотъ тебѣ и поклонъ.... на тебѣ поклонъ.

— Да право ни....

— Вѣдь экая! И честь-то ея не беретъ....

Василиса наконецъ согласилась, накинула платокъ на голову и ушла вмѣстѣ съ Онисимомъ.

— Постой-ка немного здѣсь, въ передней, сказалъ онъ ей, когда они пришли на квартиру Пѣтушкова. — А я пойду, барину доложу....

Онъ вошелъ къ Ивану Аѳанасьичу...

Пѣтушковъ стоялъ посреди комнаты, заложивъ обѣ руки въ карманы, преувеличенно растопыривъ ноги и слегка покачиваясь взадъ и впередъ. Лицо его пылало, глаза сіяли.

— Здравствуй, Онисимъ, дружелюбно залепеталъ онъ, очень плохо и вяло выговаривая согласныя буквы: — здравствуй, братецъ. А я, братъ, безъ тебя.... хе, хе, хе.... Пѣтушковъ засмѣялся и клюнулъ носомъ впередъ. Вотъ ужь подлинно, хе, хе, хе... Впрочемъ, прибавилъ онъ, стараясь принять важный видъ: — я ничего. Онъ поднялъ было ногу, но чуть не упалъ и для контенансу проговорилъ басомъ: — Человѣкъ, дай трубку!

Онисимъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего барина, взглянулъ кругомъ... На окнѣ стояла пустая, темно-зеленая бутылка съ надписью: Ромъ Ямайскій самый лучшій.

— Хватилъ, братъ, да и только, продолжалъ Пѣтушковъ. — Взялъ, да хватилъ. Хватилъ, да и все тутъ. А ты гдѣ былъ? разскажи.... не стыдись... разскажи. Ты хорошо разсказываешь.

— Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, завопилъ Онисимъ.

— Изволь. И это изволь. Милую, милую и прощаю, возразилъ Пѣтушковъ, неопредѣленно помахивая рукой. — Всѣмъ прощаю, и тебѣ прощаю, и Василисѣ прощаю, и всѣмъ, всѣмъ прощаю. А я, братъ, хватилъ. Хва-атилъ, братъ.... Кто это? внезапно вскрикнулъ онъ, указывая на дверь передней: — кто тамъ?

— Никого тамъ нѣтъ, торопливо отвѣтилъ Онисимъ. — Кому тамъ быть.... куда вы?

— Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ Пѣтушковъ, порываясь изъ рукъ Онисима: — пусти, я видѣлъ, — ты не говори, — я тамъ видѣлъ, пусти.... Василиса! закричалъ онъ вдругъ.

Пѣтушковъ поблѣднѣлъ.

— Ну.... ну, чтòжь ты не входишь? заговорилъ онъ наконецъ. — Войди, Василиса, войди. Я очень тебѣ радъ, Василиса.

Василиса взглянула на Онисима — и вошла въ комнату. Пѣтушковъ приблизился къ ней.... Онъ дышалъ глубоко и рѣдко. Онисимъ наблюдалъ за нимъ. Василиса боязливо косилась на обоихъ.

— Садись, Василиса, заговорилъ опять Иванъ Аѳанасьичъ. — Спасибо тебѣ, что пришла. Извини, что я... какъ бы это сказать?... этакъ въ неприличномъ видѣ. Я вѣдь наконецъ не могъ предвидѣть, никакъ не могъ, согласись сама. Ну, садись же, вотъ хоть здѣсь на диванѣ.... Такъ, кажется, я выражаюсь?

Василиса сѣла.

— Ну, здравствуй, продолжалъ Пѣтушковъ. — Ну, какъ поживаешь? чтò дѣлала хорошаго?

— Я слава Богу, Иванъ Аѳанасьичъ. Какъ вы?

— Я! какъ видишь. Убитъ. И кѣмъ убитъ? Тобой убитъ, Василиса. Но я на тебя не сержусь. Только я убитъ. Вотъ спроси хоть у этого (Онъ указалъ на Онисима). Ты не гляди, что я пьянъ. Я точно пьянъ; только я убитъ. Оттого и пьянъ, что убитъ.

— Помилуй Богъ, Иванъ Аѳанасьичъ!

— Убитъ, Василиса, ужь я тебѣ говорю. Ты мнѣ вѣрь. Я тебя никогда не обманывалъ. Ну, чтò, твоя тетка здорова?

— Здорова, Иванъ Аѳанасьичъ. Много благодарны.

Пѣтушковъ начиналъ сильно покачиваться.

— Да вы-то нездоровы сегодня, Иванъ Аѳанасьичъ. Вы бы легли.

— Нѣтъ, я здоровъ, Василиса. Нѣтъ, ты не говори, что я нездоровъ, а ты лучше скажи, что въ развратъ я вдался, нравственность потерялъ. Вотъ это будетъ справедливо. Противъ этого я спорить не буду.

Ивана Аѳанасьича качнуло назадъ. Онисимъ подскочилъ и поддержалъ своего барина.

— А кто виноватъ? Хочешь, я скажу тебѣ, кто виноватъ? Я виноватъ, я первый. Мнѣ бы чтò слѣдовало сдѣлать? мнѣ бы слѣдовало тебѣ сказать: Василиса, я тебя люблю. Ну, хорошо. Ну, хочешь за меня за-мужъ? Хочешь? Правда, ты мѣщанка, положимъ; ну да это ничего. Это

бываетъ. Вотъ и у меня, тамъ, былъ знакомый: тоже этакъ женился. Чухонку взялъ. Взялъ, да и женился. А со мной тебѣ было бы хорошо. Я человѣкъ добрый, ей-Богу. Ты не гляди на то, что я пьянъ, а взгляни лучше на мое сердце. Добрѣй меня на свѣтѣ нѣту. Вотъ спроси хоть у этого.... человѣка. Стало быть виноватъ-то выхожу я. А теперь я, разумѣется, убитъ.

Иванъ Аѳанасьичъ болѣе и болѣе нуждался въ подпорѣ Онисима.

— А все-таки тебѣ грѣхъ, большой грѣхъ. Я тебя любилъ, я тебя уважалъ, я.... да ужь что́! Я и теперь готовъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Хочешь? Ты только скажи, а ужь тамъ мы сейчасъ. А только ты меня обидѣла кровно.... кровно. Хоть бы сама отказала, ато черезъ тетку, черезъ толстую эту бабищу. Вѣдь только у меня и было радости, что ты. Вѣдь я бездомный человѣкъ, вѣдь я сирота! Кому теперь приласкать меня? кто мнѣ доброе слово молвитъ? Вѣдь я кругомъ сирота. Голъ какъ соколъ. Спроси хоть у эт.... Иванъ Аѳанасьичъ заплакалъ. — Василиса, послушай-ка, что́ я тебѣ скажу, продолжалъ онъ: — позволь мнѣ, этакъ, по прежнему ходить къ тебѣ. Не бойся.... я буду, того, смирнехонько. Ты ходи къ кому тамъ знаешь, я — ничего: этакъ, безъ возраженій, знаешь. Ну, соглашаешься? Хочешь, я на колѣнки стану? И Иванъ Аѳанасьичъ согнулъ-было колѣни, но Онисимъ подхватилъ его подъ мышки. Пусти меня! Не твое дѣло. Тутъ идетъ рѣчь о счастьи цѣлой, понимаешь, жизни, а ты мѣшаешь....

Василиса не знала, что́ сказать....

— Не хочешь.... Ну, какъ хочешь! Богъ съ тобой. Въ такомъ случаѣ прощай! Прощай, Василиса. Желаю тебѣ всякаго счастія и благополучія.... а я.... а я....

И Пѣтушковъ зарыдалъ въ-три-ручья. Онисимъ изо всѣхъ силъ поддерживалъ его сзади.... сперва перекосилъ лицо потомъ заплакалъ.... И Василиса тоже заплакала....

IX.

Лѣтъ черезъ десять можно было встрѣтить на улицахъ городка О. человѣка худенькаго, съ красненькимъ носикомъ, одѣтаго въ старый зеленый сюртучокъ съ плисовымъ засален-

нымъ воротникомъ. Онъ занималъ небольшой чуланчикъ въ извѣстной намъ булочной. Прасковьи Ивановны уже не было на свѣтѣ. Хозяйствомъ завѣдывала ея племянница Василиса, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, рыжеватымъ и подслѣповатымъ мѣщаниномъ Демофонтомъ. За человѣкомъ въ зеленомъ сюртучкѣ водилась одна слабость: любилъ выпить, впрочемъ велъ себя смирно. Читатели вѣроятно узнали въ немъ Ивана Аѳанасьича. Что̀ сдѣлалось съ Онисимомъ, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности.

И. ТУРГЕНЕВЪ.

В. И. Клочковъ

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 2489

Book .P5

YUDIN COLLECTION

LIBRARY OF CONGRESS
00023282628

Jungman.